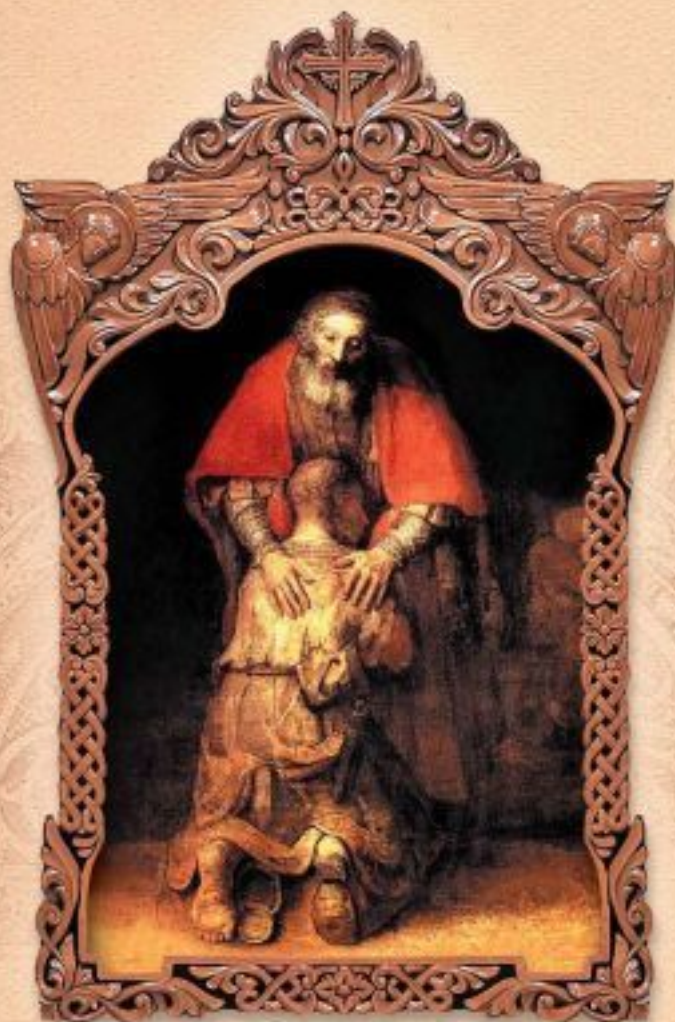

Епископ Виссарион (Нечаев)

УРОКИ ПОКАЯНИЯ
ПО БИБЛЕЙСКИМ СКАЗАНИЯМ

Епископ Виссарион (Нечаев)
Епископ Виссарион (Нечаев)

**Уроки покаяния по
библейским сказаниям**

«Сибирская Благовонница»

Епископ Виссарион (Нечаев) Е.

Уроки покаяния по библейским сказаниям / Е. Епископ Виссарион (Нечаев) — «Сибирская Благовонница»,

Книга, составленная духовным писателем, епископом Виссарионом (Нечаевым), является лучшим толкованием Великого покаянного канона святого Андрея Критского, который читается в храме в первые четыре дня Великого поста и на утрени пятой седмицы (в день стояния преподобной Марии Египетской). Это время, когда для верующих особенно важно сосредоточиться на мыслях о покаянии. Объяснение событий Ветхо- и Новозаветной истории поможет боголюбивому читателю настроиться на молитвенный лад.

© Епископ Виссарион (Нечаев) Е.

© Сибирская Благовонница

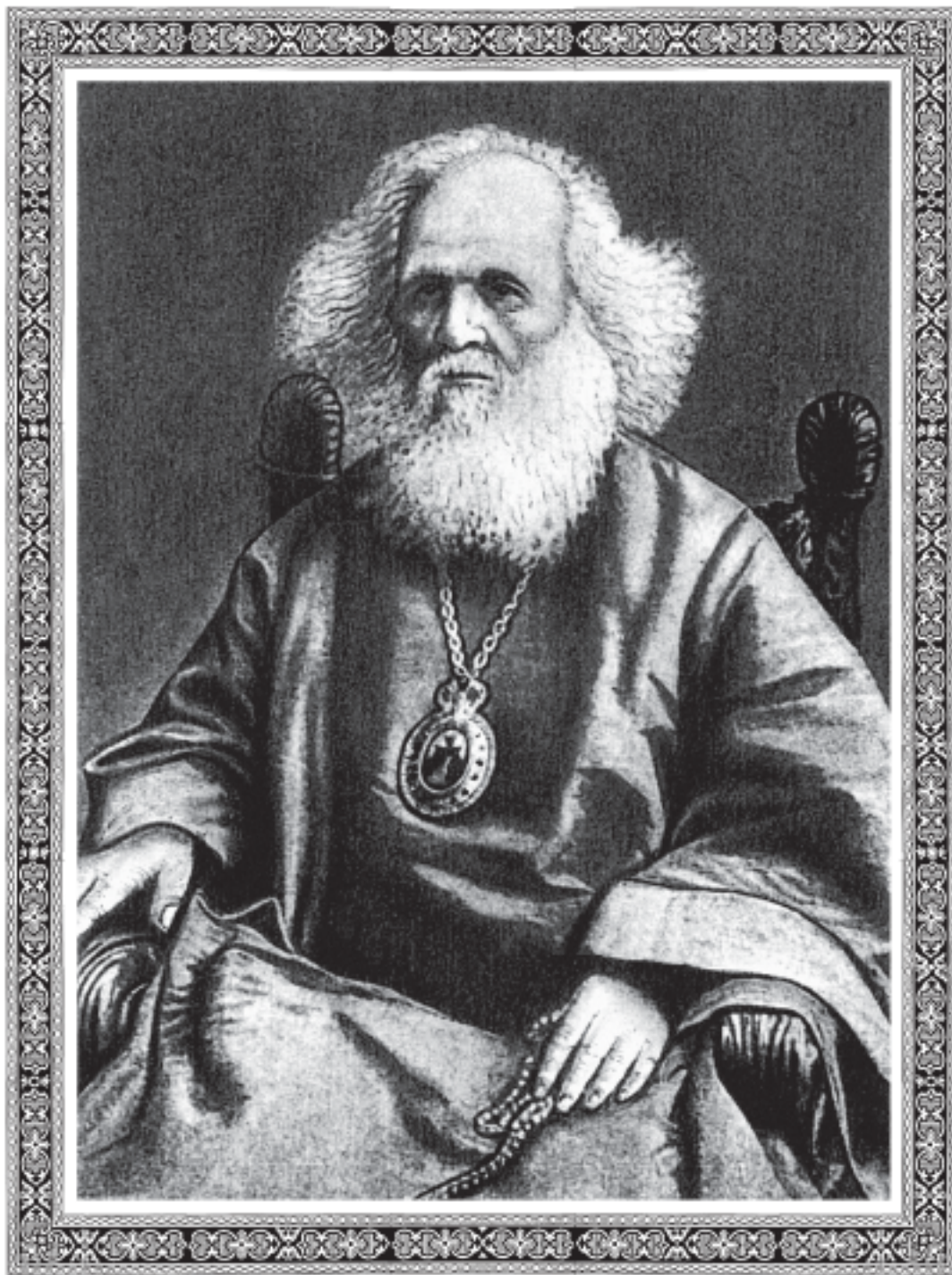
Содержание

Предисловие	6
Об авторе	7
Часть первая	8
Введение в часть первую – Ветхозаветное Писание	9
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Епископ Виссарион (Нечаев)

Уроки покаяния по библейским сказаниям

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 11-106-0500*

Епископ Виссарион (Нечаев)

Предисловие

Применение *библейских сказаний* к нравственному состоянию и потребностям души выражается в Великом каноне святого Андрея Критского большей частью так сжато, что не всегда вдруг и легко можно понять, в чем состоит соответствие одних другим.

Отсюда открывается нужда в объяснении того, в чем именно надобно видеть это соответствие, как понимать те или другие выражения, заключающие в себе сопоставление предметов, по-видимому, не имеющих сходства или представляющих отдаленное сходство.

Принимая на себя труд этого разъяснения, мы желаем сообщить ему беседовательный характер, имея в виду удовлетворить не одной любознательности чрез раскрытие смысла неудобопонятных вещей, но главным образом споспешествовать покаянному и молитвенному настроению души чрез духовно-назидательные размышления, вводящие в дух великого творения Критского святителя.

В видах назидания будем останавливать внимание и на тех местах, в которых библейские события применяются так ясно, что разъяснение отношения их к душе не представляет особой трудности.

Епископ Виссарион

Об авторе

Епископ Костромской Виссарион (Нечаев), в миру – Василий Петрович, доктор богословия, родился 13 марта 1822 года в семье диакона Тульской епархии. В 1848 году окончил Московскую Духовную семинарию и учительствовал под Тулой. В 1849 году за сочинение о святителе Димитрии Ростовском получил степень магистра богословия и был переведен в Фиванскую семинарию, а в 1852 году – в Московскую.

В 1853 году принял священнический сан и в 1854 оставил учебную службу, получив приход в Никольском храме в Толмачах в Москве.

С 1860 года был редактором журнала «Душеполезное чтение».

В 1874 году – протоиерей; после смерти жены в 1889 году принял монашество с именем Виссарион и 30 июля 1889 года хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской митрополии, а в 1894 году переведен в Кострому. В том же году за заслуги по истолкованию Священного Писания, раскрытию истин Православия, изъяснению богослужений и молитв и обличению раскольников, МДА присудила ему степень доктора богословия. Он оставил великое множество печатных научных трудов, поучений, как то:

«Толкование на паремии»

«О расколе и по поводу раскола»

«Уроки покаяния» и многое другое.

Часть первая Ветхозаветное Писание

Введение в часть первую – Ветхозаветное Писание

Моисеево приведох ти, душе, миробытие, и от того все Заветное Писание, поведующее тебе праведныя и неправедныя, от нихже вторыя, о душе, подражала еси, а не первыя, в Бога (против Бога) согрешившии.

Святой Андрей Критский в своем Великом каноне собрал из истории ветхозаветной черты жизни праведной и грехолюбивой.

Указание на примеры ветхозаветных праведников и грешников он начал с первых дней мира, то есть с Адама, провел через историю Церкви патриархальной и подзаконной по писаниям Моисея и прочим ветхозаветным книгам и довел до вавилонского плена.

Христианской душе дана возможность сличить свое нравственное состояние с этими примерами, чтобы видеть, каким путем она идет, путем ли ревнителей праведности, неуклонно исполнявших ее требования, – либо падавших, но кающихся, – или пагубным путем грешников, не заботившихся о покаянии и спасении души.

Быть может, беспристрастное сличение оставит в нас горькое убеждение, что мы идем больше последним, чем первым путем, что подражаем больше ветхозаветным грешникам, чем ветхозаветным праведникам.

Но, подражая ветхозаветным грешникам, новозаветный верующий подлечит настолько большей ответственности перед Судом Божиим в сравнении с ними, насколько новозаветный закон выше ветхозаветного; *ибо, говорит Апостол, если чрез Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, при засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами, и различными силами и раздаянием Духа Святого по Его воле?* (Евр. 2, 2–4).

Слово, возвещенное через Ангелов, – это закон Моисеев, данный Богом при посредстве Ангелов (см.: Втор. 33, 2; Гал. 3, 19; Деян. 7, 53), которые, по повелению Божию, передавали Мои сею многие подробности закона и истолковывали оный. Закон ветхозаветный строго карал преступников его. «Проклят всяк, – изрекал он, – кто не исполнит всего написанного в законе» (см.: Втор. 27, 26; Гал. 3, 10).

Но если строго обязательны были для подзаконных верующих заповеди Божии, переданные Моисею через Ангелов, и преслушание многих из этих заповедей влекло за собой

смертную казнь (например, прелюбодейцы побиваемы были камнями), то позволительно ли думать, что новозаветным верующим можно безнаказанно нарушать заповеди Божии, данные нам Самим Сыном Божиим, Который относительно нашего спасения открыл нам *все, что слышал от Отца* (Ин. 15, 15), и возвещены апостолами при засвидетельствовании знаменьями и чудесами? Правда, Христос снял проклятие, тяготевшее на ветхозаветных нарушителях закона, ибо понес на Себе клятву закона и Своей честной кровью освободил от нее тех, которые верой в Него сподобляются благодати Святого Духа. *Благодатию бо есте спасени чрез веру: и сие не от вас: Божий дар, ни от дел, да никтоже похвалится* (Еф. 2, 8–9).

Но и вера спасительна для нас только в соединении с добрыми делами. Вера без дел мертва (см.: Иак. 2, 17), следственно, негодна Богу, ибо такую веру и бесы имеют (см.: Иак. 2, 19). *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего*, – говорит Христос (Мф. 7, 21). Воля же Отца Небесного, которую возвестил Христос, требует не одной веры, но и жития, сообразного с верой. Посему, в ком нет такого жития, тот напрасно надеется спастись одной верой. *Отыдите от Мене, делающие беззаконие*, – скажет Господь на последнем Своем Суде людям, которые в оправдание свое сошлются на свою веру в Него и на то, что они сей верой творили чудеса, но которые не удержали себя от беззаконных дел (см.: Мф. 7, 22–23).

Не только за беззаконные дела, но и за праздные слова люди дадут ответ в день Суда (см.: Мф. 12, 36). А за слова бранные и злобные Господь грозит геенной (см.: Мф. 5, 22). Геенной Он грозит даже за желания нецеломудренные (см.: Мф. 5, 28–29).

Помни это, душа, подражающая ветхозаветным грешникам, и поспеши сойти с пути, ведущего к вечному осуждению. Не надейся избежать этого осуждения одной верой в Христа без ревности к подвигам жизни благочестивой и добродетельной, согласной с заповедями, еще более строгими в Новом Завете, чем в Ветхом.

Подражай не ветхозаветным грешникам, а ветхозаветным праведникам. Они также спасались верой во Христа (см.: Евр. гл. 11), не мертвой и бесплодной, а живой и деятельной; они угодили Господу подвигами самоотвержения в борьбе с греховными искушениями, подвигами любви к Богу и ближним. Притом они спасались при меньших благодатных средствах спасения, чем новозаветные верующие, принявшие от полноты Христовой *благодать на благодать* (см.: Ин. 1, 16).

Поэтому новозаветные грешники будут строже судимы, чем ветхозаветные, ибо *кому дано много, много и потребуетя, и кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48).

Ввиду этого строгого взыскания поспеши, грешная душа, отвратить от себя гнев Божий раскаянием в том, что подражаешь ветхозаветным грешникам, и подражай ветхозаветным праведникам, чтобы последние своим примером не обличили тебя на Суде Христовом и ты не оказалась безответной перед Ним.

Глава 1 Адам и Ева

Брение, Здатель, живосоздав (подобно скудельнику, Боже, Ты образовал персть и оживотворил ее), вложил еси мне плоть и кости, и дыхание и жизнь. Но, о Творче мой, Избавителю мой и Судие, кающаяся прими мя.
(Быт. 2, 7)

Грешник благодарно исповедует великую милость к нему Господа в том, что Господь даровал ему в лице Адама бытие и жизнь. Поистине великая милость.

Ибо чем был человек до сотворения? Он был брением, перстью, прахом земным. Но милосердый Господь, желая иметь причастников Своей благодати, воззвал его к бытию из праха. Единственно по Своей благодати, единственно силою воли, Он, подобно горшечнику, работающему из глины сосуды, дал этому праху образ человеческий с плотью и костями, одушевил этот образ Своим божественным дыханием и жизнью.

И вот явилось на земле живое существо, по душе немногим чем умаленное пред Ангелами, одаренное образом и подобием Божиим, то есть богоподобною духовною и бессмертною природою, богоподобными духовными силами и совершенствами, – предназначенное к бессмертию по самому телу, облеченное господством над всеми земными тварями.

Человеку, воззванному к жизни с такими богатыми дарами, оставалось пользоваться жизнью во славу Божию и правильным, согласным с волею Божией употреблением данных ему сил споспешествовать своему блаженству и благу подвластных ему тварей.

К сожалению, человек не устоял на высоте, на которой поставлен Творцом.

Он позабыл, что воззван к бытию из праха земного, что всеми своими совершенствами и преимуществами он обязан единственно милости Божией и может быть счастлив только при условии теснейшего общения с Богом, смиренной покорности Ему. Он возмечтал сделаться равным своему Творцу по власти и силе, подумал, что может быть блаженным и зажить новой, более счастливой жизнью вне общения с Богом. Он жестоко обманулся в своих расчетах. Преступлением заповеди Божией он не только не достиг того, чего надеялся достигнуть, но еще заслужил праведный гнев Божий.

Ему осталось теперь одно: принести повинную пред Богом, раскаяться в своей тяжелой вине пред Ним и умолять Его о помиловании.

Так и поступил Адам; так поступает и всякий не желающий себе погибели грешник. *Прими мя кающуюся*, – взывает он к Господу. Умоляю о сем Тебя, как моего *Творца, Избавителя и Судью*. Ты мой *Творец*: не погуби же во гневе Твоего создания, украшенного Твоим образом и подобием, хотя помрачившего грехом черты своего богоподобия, своего духовного родства с Тобою.

Ты, *Избавитель мой*, не презрел меня неблагодарного и мятежного, но по неизреченному милосердию послал Единородного Сына Твоего на землю для искупления честною кровью всякого верующего. Верую, Господи, в искупительную силу крестной смерти Сына Твоего; прими мою веру и с верой приносимое Тебе покаяние. Ты мой *Судья*, предоставивший Единородному Сыну Твоему осудить на вечные муки нераскаянных грешников. Я не принадлежу к числу их, – я каюсь пред Тобою, прими мя кающегося и избавь меня от вечного осуждения и муки.

* * *

Первозданного Адама преступлению поревновав, познах себе обнажена от Бога и присносущного Царствия и сладости, грех ради моих.
(Быт. 3, 6-7)

Преступление Адама состояло в преслушании воли Божией, выраженной в известной заповеди. Потомки Адама, наследовавшие от него, путем естественного рождения, греховную природу, умножают это несчастное наследие еще произвольными, личными грехами, и в этом отношении примером своего праотца увлекаются до ревности, до соревнования ему, как бы опасаясь остаться позади Его на пути греха.

Вообще пример имеет увлекающую силу, так что если вникнем в происхождение наших личных грехов, большая часть их окажется плодом подражания чужим примерам.

Так пример греха заразительно действует на детей. Напрасно стали бы родители внушать им правила нравственного благоповедения, которым сами не следуют: такие внушения, не оправдываемые примером, неубедительны для детей.

Примером греха увлекается человек иногда вопреки своей совести. И соглашается он, что нехорошо то или другое дело, и в то же время оправдывает себя примером других. Другие, например, злонамеренно объявляют себя несостоятельными должниками: почему и мне, рассуждает иной, не решиться тоже? Другие поджигают свои дома в надежде с лихвою вознаградить себя за эту потерю страховыми деньгами; другие постов не соблюдают, праздников не чтут, уклоняются от молитвы домашней и церковной, стыдятся при людях осенить себя крестным знаменем и т.п., – и все это люди порядочные, имеющие вес в обществе: от порядочных людей отставать не следует.

Но горе не только подающим худой пример, – они ответят перед Богом не за себя только, но и за тех, которые подражают их примеру, ревнуют чужим грехам начиная с преступления Адамова, – горе и последним! Они не могут сложить свою вину на иных. Сам Адам, увлеченный к преступлению примером жены, не нашел однако оправдания в том, что ссылаясь на жену. Не людские обычаи, противные заповедям Божиим, должны служить для нас руководством, а заповеди Божии.

Как бы то ни было, Адам, преступлению которого ревнуют грешники, осознал свою неправоту пред Богом. Он понял вместе с женою, что они *наги* (см.: Быт. 3, 7), то есть утратили свою невинность, в состоянии которой они не чувствовали своей наготы, – и с невинностью утратили право на благоволение Божие и на вечное пребывание в раю сладости.

Подобно Адаму и каждый грешник, поревновавший ему в преступлении, должен говорить: *познах себе обнажена от Бога, и присносущного Царствия, и сладости, грех ради моих*: я испытываю то же, что испытал Адам, которому подражаю в преступлении; – чувствую подобно

ему свою вину пред Богом, свою внутреннюю наготу, свою безответность пред Ним, не имея в виду ничего такого, что могло бы прикрыть мою вину, – и потому признаю себя недостойным Его общения со мною и вечного блаженства в Царствии Небесном.

* * *

Увы мне, окаянная душе, что уподобилась еси первой Еве. Видела бо еси зле, и уязвилась еси горце, и коснулася еси древа, и вкусила еси дерзостно бессловесныя снеди.

(Быт. 3, 6)

Тяжко грехопадение Адама; но его предупредила в совершении греха Ева. Дерево познания добра и зла, насажденное в Раю для испытания наших прародителей в послушании Творцу, послужило для Евы поводом к обнаружению непослушания.

Змий уверял Еву, что с вкушением плодов этого дерева она и муж ее сделаются равными Богу по всеведению и не будут иметь нужды в руководстве Его. Ева поверила коварным речам змия и стала смотреть на дерево другими глазами, чем доселе. Доселе воззрение на него возбуждало в ней одно благоговение к Богу, к Его всевластной и всеблагой воле.

Теперь взгляд ее изменился. Она посмотрела на дерево *зле*, то есть преступно – с преступным неверием в угрозу Господа смертью за вкушение от плодов древа, с преступным желанием равенства с Богом и независимости от Него, – с преступной чувственной алчностью.

Запрещенное дерево показалось ей во всех отношениях прекрасным, – она прельстилась на красоту его, словно рыба на приманку, насаженную на уду, – и *горце уязвилась*. Она *коснулася древа и дерзостно вкусила бессловесныя снеди*. Снедь от запрещенного древа обещала ей множество благ – и чувственное удовольствие для вкуса, и духовное многоведение, равное всеведению Божию, и полнейшую вследствие сего независимость от Бога; но Ева горько ошиблась. Снедь оказалась *бессловесною*, точнее – обманчивою. Вкусившие от нее наши прародители узнали, что они обмануты змием. Очи их, согласно обещанию змия, действительно открылись, но не для свойственного Богу разумения добра и зла без порабощения злу, а для одного горького уразумения своей нравственной порчи: *уразумеша, яко нази быша*. Утрата непорочности сопровождалась в них стыдом при взгляде на свою наготу.

История падения Евы повторяется в каждой грешной душе, как это яснее откроется в следующем стихе. Как окаянна, как жалка душа, уподобляющаяся в этом отношении Еве, вместо того чтобы в несчастном примере ее найти предостережение от подражания ей!

* * *

Вместо Евы чувственыя, мысленная ми бысть (восстала во мне) Ева, во плоти страстный помысл, показуяй сладкая и вкушаяй присно горького напоения.

Адам увлечен был ко греху Евой, ее примером и внушениями. Равно и каждого из нас влечет ко греху мысленная Ева – это страстный плотский помысл. Помысл о грехе может быть бесстрастным в том случае, если мы только рассуждаем о грехе, о его происхождении, свойствах, видах, последствиях, рассуждаем, как свойственно моралисту; также если этот помысл произвольно приражается к душе, но не оставляет в ней следа и тотчас же забывается или отражается силой воли.

В том и другом случае помысл о грехе не есть еще грех и не ведет к ответственности. Но иное дело те помыслы о грехах, которые мы вызываем в душе с нечистой целью или кото-

рым соусплаждаемся, которым отдаемся с сочувствием, без всякой борьбы. Это уже страстные помыслы: они находят себе пищу и опору в нашей *плоти* – в растленной грехом природе не только телесной, но и духовной, ставшей в служебное отношение к чувственности, вместо того чтобы господствовать над ней, и поработившей себя земным, чувственным влечениям до забвения потребностей духовных (см.: Рим. 7, 14-18).

Горе душе, предавшей себя плотскому страстному помыслу! Он показывает ей сладкое, но при вкушении всегда наполняет горечью. Каждая страсть сама по себе горька, болезненна. Потому и называется она страстью, что соединена с страданием, с горечью, с мучением. Мучится душа, когда страсть не удовлетворена. С удовлетворением страсти должно бы, по видимому, прекратиться это мучение и наступить для души радость и довольство. Эту радость и довольство обещает ей страстный помысл и тем толкает ее на совершение греха, как натолкнул он на грех Еву.

Но как Ева жестоко обманулась в своей надежде получить удовольствие и блаженство от вкушения запрещенного плода, так обманывается в своих расчетах каждый грешник, мечтающий вкушать в грехе сладость. Если и вкушает он ее, то на краткое время. Затем следует горечь – от терзаний совести, покуда страсти не заглушили ее, от скуки и пустоты душевной, неизбежной после удовлетворения страсти. К этому присоединяется вред для тела и для внешнего благосостояния.

Так, страсть невоздержания доводит до расстройства здоровья, до разорения, до скоропостижной смерти. Любострастие истощает телесные силы и потрясает семейный мир. Страсть к обогащению портит кровь, лишает сна. Честолюбие сопровождается теми же последствиями. Страсть к пересудам, мстительность вводят в неприятные столкновения с людьми, и т.д.

Поистине страстный плотский помысл вместо обещаемой сладости напояет грешника одной горечью.

* * *

Оскверних плоти моя ризу и окалях еже по образу, Спасе, и по подобю.
(Быт. 3, 21)

Риза плоти значит риза или срачица плотяная, или самая плоть как риза. Плоть действительно есть риза в отношении к душе: душа соединена с плотью, облечена в нее, как тело в одежду. Названием плоти ризою души делается намек на превосходство души над телом. Ибо, если не тело создано для одежды, а одежда устраивается для тела, то и душа существует не для тела, а тело для души. Пусть примут это к сведению люди, живущие для плоти, высшее благо жизни находящие в том, чтобы только телу было хорошо, – в одном телесном здоровье, в сытости, в чувственных удовольствиях, во внешних, житейских удобствах, а о душе и ее спасении не помышляющие: они извращают порядок отношений души и тела.

В состоянии невинности первых людей тело было чистым сосудом чистой души. С утратой чистоты душевной стало нечистым и тело. К телу пристала нечистота души, как нечистота телесная пристаёт к одежде. Рука, святотатственно простертая к плоду запрещенному, гортань и чрево, принявшие этот плод, осквернились и осквернили все тело, ибо с той минуты началась в теле работа тления и смерти. Вместе с жизнью каждый из нас наследовал от Адама и эту скверну и умножает ее новыми греховными сквернами. Плачевно состояние грешника по телу, но еще плачевнее по душе. Тело мое потому явилось нечистым, что я *окалях еже по образу и по подобю*, – то есть осквернил душу, созданную по образу и подобию Божию.

Душа богоподобна по своему существу, ибо подобно Богу она духовна и бессмертна, по силам, ибо в ее разуме и свободе отражаются черты высочайшего ума и воли Божией по отношению к миру, ибо наделена властью над земными тварями.

Все эти черты образа Божия потускнели под слоем духовной скверны: грех окалял богоподобную душу. И не узнаешь души в скотоподобном, преданном плотоугодию, миролюбию, заблуждениям и т.п. существе. Каждому грешнику свойственно пред Господом исповедовать себя нечистым по телу и душе и просить у Него благодати слез для смытия этой нечистоты.

* * *

*Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель изначала,
и оттуду лежу наг.*

Под одеждою здесь, как и в предшествующем стихе под ризою, разумеется плоть – одежда души.

Плоть первозданного человека была недоступна повреждению. Питаясь плодами древа жизни, она цвела здоровьем, свежестью, не знала утомления, не страдала ни от холода, ни от зноя.

Вкушением запрещенного плода Адам внес в свое тело семя повреждения. Его тело стало походить на разодранную одежду, сквозь которую видна нагота. Плоть утратила свое совершенство с утратой совершенства души. Плоть стала отражать, как бы в зеркале, состояние падшей души. Сквозь тело, как через щели разодранной одежды, стала виднеться нагота души, нравственная бедность ее.

С утратой непорочности душа осталась без благодати Божией и вместо того, чтобы господствовать над телом, подчинилась его влиянию: она стала чувствительна к болезням тела, к неблагоприятным на него действиям стихий, стала пренебрегать духовными своими потребностями, – и главной из них – общением с Богом.

И эту-то духовную наготу, или обнищание, исповедует вслед за Адамом грешник, когда говорит: *раздрах одежду мою первую и лежу наг.*

* * *

*Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом (коварством),
и стыждуся.*

Тело прародителей по падении сохранило свою природу; но повреждение, вошедшее в него, было так велико, что не легко было узнать в нем дело рук Божиих.

В поврежденном состоянии оно явилось неблагообразной одеждой души, сотканной коварством диавола. Коварство его в этом случае состояло в том, что он не сам непосредственно, а руками наших прародителей соткал эту одежду.

И стыдно стало им, что они сделались жертвой его коварства. В них заговорило чувство чести, поруганной змием; им обидно стало, как это они так оплошали, что поверили обещаниям змия, дались ему в обман.

Им стыдно стало и себя, потому что при взгляде на наготу друг друга в них легко воспламенялись беспорядочные чувственные влечения.

Им еще стыдно было того жалкого состояния, в котором ум их перестал господствовать над чувственностью и уступил перевес животным влечениям. Чувство стыда горькое, но вместе спасительное!

Они недовольны были собой, уразумели свою вину и готовы были раскаяться в ней пред Богом. Признание вины есть начало раскаяния. Подражая прародителям, и каждый из нас пусть выражает пред Господом свое раскаяние словами: проклиная коварство змия, обнажившего меня от первозданной правоты, и стыжусь моей вины.

Обложен есмь одеянием стыда, якоже листвею смоковным, во обличение моих самовластных страстей.

(Быт. 3, 7)

Жалко было положение наших прародителей, стыдом греха приведенных к изобретению непрочного, из смоковых листьев, препоясания своих чресл.

Не менее жалко положение каждого грешника, стыд своей вины пред Богом, пред своей совестью и ближними старающегося прикрыть благовидными оправданиями; эти оправдания ничем не лучше неблагонадежного смоковничного препоясания: они только отягчают вину грешника, служа обличением самовластных страстей, только обнаруживают глубину падения, в которую он низринут самовластием страстей.

Они забрали над ним такую власть, что препятствуют ему беспощадно осудить себя и повергнуться в пучину милости Божией, готовой только для признающих себя безответными грешников.

Чувствую, Господи, вину мою пред Тобой, но вместе и то, что во мне недостает настолько самоотвержения, чтобы признать себя вполне безответным. Я не победил в себе склонности к самооправданию. Даруй мне силу одержать над собой эту победу.

* **

Сшиваше кожньи ризы грех мне, обнаживый мя первые боготканые одежды.

(Быт. 3, 11; 3, 21)

Господь сжалился над нашими прародителями, устроившими себе по чувству стыда непрочное одеяние из древесных листьев, и Сам устроил для них более прочную одежду из кожи зверя, давая им разуметь, что и в нравственном отношении они не могут обойтись без Его всепокрывающей благодати, что напрасны их усилия прикрыть свою вину каким бы ни было самооправданием.

Подобное божественное вразумление, располагающее к смирению, должен прилагать к себе и каждый грешник. Ему свойственно исповедать пред Господом: грехи, обнажившие меня в лице Адама от первой боготканной одежды, первой чистоты и невинности по душе и по телу, открыли меня Твоему праведному гневу, сделали меня беззащитным пред Тобою.

И для меня теперь, как для Адама, понадобились кожаные ризы, устроенные одним Тобою. Не на свою самодельную правду я надеюсь, а единственно на правду Единородного Сына Твоего, стяжавшего для всех оправдание Своей честной кровью.

Вот та кожаная, прочная и благонадежная риза, которая нужна мне в моем положении¹.

* * *

Достойно из Едема изгнан бысть, яко не сохранив едину Твою, Спасе, заповедь Адам: аз же что постражду, отменяя всегда животныя (животворные) Твоя словеса?

(Быт. 3, 23)

Заповедь Адаму дана одна; но в преслушании ее нашими прародителями заключаются многие частные грехи. Она дана для испытания их послушания воле Божией и для укрепления их в добре посредством этого послушания.

¹ Ризу эту устроил собственно Господь. Если же сказано в рассматриваемом стихе, что *сшиваше кожньи ризы грех*, это должно понимать в том смысле, что грех послужил для Господа побуждением облечь человека в кожу.

Не выдержав этого испытания, они показали непростительную гордость, потому что увлеклись обещанием диавола: *будете яко божи*; показали неверие, потому что не поверили угрозе Божией за нарушение заповеди: *смертию умрете*; перешли на сторону врага Божия диавола, потому что поверили дерзкой клевете его, будто Бог по зависти или недоброжелательству запретил им вкушать от плодов древа познания добра и зла; явили величайшую неблагодарность к Богу, забыв Его чрезвычайные милости к ним и щедроты.

Во всех этих отношениях они поступили тем преступнее и непростительнее, чем легче было исполнить данную им заповедь, чем легче было им обойтись без запрещенного для них плода при обилии, сладости и питательности предоставленных им для употребления плодов от прочих деревьев райских.

Посему достойно изгнан был из Едема Адам, хотя не сохранил одну только заповедь: наказание определено ему соразмерно с преступлением. *Аз же что постражду* – что должен буду претерпеть, – *отметая всегда животворная Твоя словеса?*

Если Адаму нельзя было безнаказанно преступить одну заповедь; не паче ли я достоин наказания, отвергая многие Твои повеления, поистине животворные, потому что за соблюдение их обещан живот вечный? (см.: Мф. 19, 17). Моя вина тяжелее Адамовой: он однажды явил непослушание Богу и потом всю жизнь провел в раскаянии; я же *всегда* отмечаю Божии заповеди.

Легко было удержаться от греха Адаму; но не легче ли это мне ввиду горьких последствий преступления Адамова? Адам хотя предупрежден был отом, какие последствия произойдут от его греха, не знал их, пока на деле не испытал. Я и всякий другой знаем их, однако ж бесстрашно продолжаем грешить. Адам имел от Бога одно предостережение от греха. Мне же даны бесчисленные предостережения – в законе Моисеевом, в книгах пророческих, паче же всего в евангельском и апостольском учении.

Для моего вразумления и наставления Сам Сын Божий сходил с неба на землю и сказал мне всю волю Божию. Мне открыты обильные благодатные средства к успешной борьбе с греховными искушениями и к преуспеванию в благочестии и добродетели. Я всем пренебрег и потому должен подвергнуться более строгому взысканию от Господа, чем какому подвергся Адам.

О, не вниди, Господи, в суд с рабом Твоим и, прежде даже до конца не погибну, спаси мя имиже веси судьбами.

Глава 2 Каин и Авель

Святой Андрей Критский, указав на грехопадение Адама и Евы для обличения грешной души в подобных грехах и для предостережения от них, переходит к детям Адама, Каину и Авелю, одному из них уподобляя, другому противопоставляя нравственное состояние грешника.

Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистья, ни жития непорочного. Яко Каин, и мы, душе окаянная, деяния скверная, и жертву порочную, и непотребное житие принесохом вкупе: темже и осудихомся. (Быт. 4, 3-5)

Жертва Каинова была отвергнута Богом, Авелева принята. Каин принес бескровную жертву от плодов трудов своих, ибо занимался земледелием. Авель, занимавшийся скотоводством, принес жертву кровавую, от животных.

То и другое хорошо, но дело собственно не в том, что принесено в жертву, а в том, как принесено. Что жертва одного предпочтена жертве другого, это зависело от разности нравственных свойств в приносивших.

Бог не принял жертвы Каина, потому что житие его было непотребно, дела нечисты. *Беззаконник же, заколающий вола, – то же, что убивающий человека; приносящий агнца в жертву – то же, что задушающий пса, приносящий семидал – то же, что приносящий свищу кровь* (Ис. 66, 3).

Не таков был Авель в нравственном отношении; это была душа чистая, непорочная, благочестивая. Жертва его была делом истинного благочестия. С дымом жертвы восходило к Богу сердце его, с пламенем жертвы горела любовью к Богу душа его. Кроме того, *верую множайшую жертву Авель паче Каина принесе* (Евр. 11, 4). Его одушевляла вера в Искупителя. Жертва Авеля была выражением этой веры. Он убежден был, что прольется некогда за грехи людей кровь Неповинного, вполне достаточная для примирения людей с Богом, и что все жертвы людские до принесения этой безмерно великой жертвы суть только предызображения ее и выражения веры в силу ее.

Каин чужд был веры в Искупителя. Разность духовных расположений обоих братьев сказалась в самом выборе жертв. Авель, по сердечному усердию к Богу, принес Ему в жертву лучших животных из своего стада, таких, какими каждый хозяин преимущественно дорожит,

то есть первородных и хорошо откормленных. О Каи не же не говорится, чтоб он выбрал в жертву лучшее из плодов земных. По всей вероятности, и по качеству и по количеству они были незначительны. «Сойдут с рук и эти, – рассуждал он. – Зачем пропадать даром отборным плодам? Лучше они останутся в мою пользу. Бог не станет употреблять их в пищу».

Рассуждение, похожее на речь Иуды о бесплодной трате драгоценного мира на помазание ног Христа.

От Каина и Авеля обратись, душа, на себя. Вот и мы приносим Богу жертвы: молимся, – ибо молитва сравнивается у Псалмопевца с кадилом и жертвой вечерней, – совершаем телесные подвиги благочестия – постимся, творим поклоны, согласно с наставлением апостола Павла: *представьте тела ваши в жертву живую* (Рим. 12, 1); делаем благотворения, которые также называются жертвами (см.: Евр. 13, 16); жертвуем в церковь на потребности богослужения.

Но все эти жертвы могут быть угодны Богу только при том условии, если приносящие их стараются угождать Богу непорочным житием, одушевлены искренним благочестием, приносят Богу в жертву дух сокрушенный и смиренный.

Самые дела благотворения имеют цену в очах Божиих только под условием их бескорыстности и чистых христианских побуждений. В противном случае горе нам: мы *осудихомся*, наши жертвы – то же, что Каинова.

*Каиново прешед (превозмог) убийство, произволением бых убийца
совести душевной (с сознательным произволением я сделался убийцею души),
оживив плоть, и воевав на ню (на душу) лукавыми моими деянии.
(Быт. 4, 8)*

Тяжко преступление Каина, сделавшегося братоубийцей. От братоубийства его не удержала ни кровная связь, ни предостережения Божии.

Но христианин грешит тяжелее, чем Каин, когда губит душу свою, принося ее в жертву плоти. Насколько душа важнее тела, настолько преступнее губить душу. Каин погубил только тело брата, душе же его повредить не мог. Христианин же губит свою душу, когда живет для одной плоти. Плоть, в рассматриваемом стихе, противопоставляется не духу, а душе, и потому под плотью здесь разумеется не вообще греховная природа человека, по телу и душе, а одно тело.

Мы должны заботиться не об одной душе, но вместе и о теле, не о спасении только души, но вместе о поддержании телесной жизни, о сохранении здоровья; этого требует и природа, ибо *никтоже бокогда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. 5, 29), – и Евангелие, обучающее нас молиться о насущном хлебе. К сожалению, в заботливости о теле возможна непростительная крайность, от которой предостерегает Апостол, говоря: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14), яснее: «попечения о плоти не превращайте в похоти». Попечение о плоти превращать в похоти значит, под предлогом попечения о теле, стремиться к удовлетворению неоправдываемых естественными потребностями прихотей, с забвением потребностей духовных и требований христианского долга.

Так, питание есть естественная потребность тела. Но удовлетворять ее нужно настолько, чтобы не умереть от голода и жажды. Этого не хотят знать люди, раболепствующие прихоти; не довольствуясь утолением голода и жажды, они ищут в пище и питье удовлетворения собственного чувства вкуса, которое требует пищи после насыщения, питья после утоления жажды. Отсюда происходит неистощимая изобретательность в приготовлении снедей и напитков; отсюда объядение и привычка к пьянству; отсюда бесстрашное нарушение церковных уставов о пос тах. Чревоугодие, простертое до сих крайностей, лишает человека человеческого достоинства: чрево, – по выражению Апостола, – становится для него богом (см.: Флп. 3, 19), которому он служит с бессмыслием идолопоклонника.

То же должно сказать и о других телесных прихотях, например, о прихоти одеваться по моде. Главное назначение одежды – защищать тело от вредного влияния стихий, служить скромности и целомудрию – в этом случае забывается. Прихоть человеческая делает из одежды кумира, которому приносится в жертву здравый смысл, состояние, время.

Само собою разумеется, что такое попечение о теле, такое плотоугодие убийственно или пагубно для души. Кто живет одной плотью, кто самый разум свой употребляет на служение плоти, тот – поистине убийца души. Он не уничтожает ее бытия, ибо она по природе бессмертна, но он живет так, как будто в нем совсем нет души. Истинная жизнь души, как существа богоподобного, состоит в общении с Богом, в стремлении к Нему умом, сердцем и желаниями, в духовных упражнениях, каковы молитва, поучение в законе Господнем в борьбе с греховными искушениями, в ревности к исполнению заповедей Божиих.

Ничего такого не заметно в человеке, преданном плотоугодию. В нем душа как бы замерла, высшие потребности ее заглушены в ней. Это нравственное убийство души тем преступнее в плотоугоднике, что, по словам его, совершается им «с сознательным произволением». Его никто не неволит безжалостно губить свою душу; каждый предоставлен своему произволению; пред ним живот и смерть, и еже аще изволит, дастся ему (см.: Сир. 15, 14-17). Плотоугодник исповедует, что сам избрал смерть, не внимая никаким предостережениям и угрозам.

Он губит душу прежде всего нравственно; потом доводит ее до вечной гибели, до вечной смерти в адских муках. Иногда, впрочем, он приходит в себя, слышит из глубины души голос, осуждающий его за то, что он губит ее. Но он поспешает заглушить этот голос; он смотрит на душу как бы на врага, с которым надобно воевать, и он жестоко воюет против нее, против совести, умножая вопреки ей злые дела свои. В этом отношении я поистине превзошел Каина убийцу.

Так исповедует пред Богом плотоугодник. Дай Бог только, чтоб он не впал в Каиново отчаяние, непростительное потому, что нет греха, побеждающего милосердие Божие.

Глава 3 Ламех

Кому уподобилась еси, многогрешная душе. Токмо первому Каину и Ламеху оному, каменовавшая тело злодействы и убившая ум бессловесными стремленми.

(Быт. 4, 1-26)

Каков родоначальник, таковы и потомки. Каин был убийца; и Ламех, один из потомков его, опозорил себя убийством.

Подражание детей родителям, потомков предкам – явление обыкновенное, хотя не исключительное. Недаром говорит присловие: яблоко от яблони не далеко падает. Нечестие, как и благочестие, передается как бы в наследство от родителей детям. Эта несчастная наследственность объясняется влиянием примера, часто с неотразимой силой действующего на детей, хотя нельзя отрицать некоторого участия здесь природного предрасположения, передаваемого детям с кровью родителей, – ибо и самый первородный грех путем природного предрасположения распространяется в потомстве Адамовом.

Пусть примут это к сведению родители: нечестивые родители должны отвечать перед Богом не только за себя, но и за своих детей и дальнейших потомков, если передадут им в наследство свое нечестие.

Убийце Ламеху уподобляется каждая душа, злыми делами (*злодействы*), словно тяжелыми камнями, поражающая на смерть свое тело. Грехи убийственны для самого тела, для его здоровья: пьянство оканчивается часто параличом и смертью без покаяния; любострастие истощает физические силы и юношу превращает в старика; корыстолюбие и честолюбие отнимает сон и аппетит; зависть сушит и т.д. Но прискорбнее всего то, что уподобляющаяся Ламеху душа *убивает ум бессловесными стремлениями*.

Тяжкие, подобно Ламеху, грешники часто бывают весьма умные люди, – как сыновья Ламеха, из которых один был изобретателем музыкального искусства, другой изобрел литейное и плавильное искусство, первый стал делать из меди и железа сосуды, земледельские орудия, копья и мечи.

К сожалению, ум грешников расходуется на изобретение одних житейских удобств и на умножение одних земных благ. Пристрастие к этим удобствам и благам убивает в грешной

душе приемлемость к истине или учению Божественному. В ней господствуют одни *бессловесные стремления*, то есть свойственные бессловесным влечения к удовлетворению одних чувственных потребностей и даже прихотей.

Человеку, отдавшемуся этим влечениям, напрасно вы стали бы возвещать то, что нужно для спасения души, для ее просвещения, очищения и освящения: ваши убеждения на него не действуют, – для него они то же, что для слепого свет, для глухого музыка. Он видя не видит, слыша не слышит. Бессловесные стремления убили в нем ум – приемлемость к свету Божественной истины. Надобно наперед освободиться от этих бессловесных стремлений, чтоб оживить эту приемлемость.

*Мужа убих, глаголет (Писание), в язву мне и юношу в струп (мне),
Ламех, рыдая вопияше; ты же не трепещеши, о душе моя, окалявши плоть и
ум осквернивши.*

(Быт. 4, 23)

Ламех, совершив убийство, поведал о нем своим женам (см.: Быт. 4, 23). Он вопиял пред ними, что убил взрослого и юношу. Но ему не удалось убить их так, как убил Каин. Каин не встретил сопротивления от Авеля; Ламех же, хотя убил мужа и юношу, но и сам получил от них жестокие побои, следы которых – язва и струп – остались на его теле. Это было причиной, что Ламех рыдал от боли, когда говорил женам о совершенном им убийстве. Видно: боль от побоев была очень чувствительна для него.

Но чем естественнее это чувство в Ламехе, тем непонятнее отсутствие его в грешнике, совершающем подобное преступление в отношении к себе самому. Грехи, которыми он оскверняет плоть, совершая их для угождения плоти и через посредство ее, – и ум, помрачая его чистоту страстями, суть язвы и струпия, которые следовало бы непрестанно оплакивать, и за которые, пока не очищены будут покаянием, нельзя не трепетать при мысли о неизбежном Суде Божиим, угрожающем нераскаянным.

Но привычка к грехам убивает наконец в душе чувство боли, производимой ими в совести; убивает саму совесть, совсем заглушая ее обличительный голос, и подавляет страх Суда Божия.

Поистине жалкое положение. Опасности его может не признавать только равнодушная к своему спасению душа. Во что бы то ни стало она должна победить в себе это пагубное равнодушие.

* * *

*О, како поревновах Ламеху, первому (древнему) убийце, душу яко
мужа, ум яко юношу, яко брата моего, тело убив, яко Каин убийца,
любострастными стремленми!*

(Быт. 4, 8)

Ламех убил других: грешник, преданный любострастным стремлениям, или сластолюбию, неумеренным чувственным наслаждениям, убивает самого себя по душе, по уму и по телу. Душу он убивает в том смысле, что она становится нечувствительной к своему позору, к своему нравственному уничтожению, походя в сем отношении на бездушное, лишенное чувств существо. Ум убивает он тем, что подавляет в нем приемлемость к учению истины. Тело он убивает тем, что расстраивает его здоровье, сокращает его жизнь. Во всех этих случаях он так же безжалостно поступает в отношении к себе, как Ламех безжалостно убил взрослого и юношу, и Каин – родного брата.

Глава 4

Сиф, Енос, Енох и Ной

Вся прежде закона претекши (мимошедши всех, живших до закона), о душе, Сифу не уподобилася еси, ни Еноса подражала еси, ни Еноха предложением (переселившегося), ни Ноя, но явилася еси убога (чужда) праведных жизни
(Быт. 5, 1-32)

Сиф был сын Адама, данный ему взамен Авеля, от чего и получил свое имя (см.: Быт. 4, 5), – для продолжения благословенного племени. Члены этого благословенного племени, потомки Сифа, известные под именем сынов Божиих (см.: Быт. 6, 2), в противоположность потомкам Каина, отверженным от Бога.

Наименование сынов Божиих утвердилось за потомками Сифа, конечно, потому же, почему Израильтяне назывались сынами Господа Бога их (см.: Втор. 14, 1), то есть отчасти по особенному благоволению к ним Господа, отделившего их от неблагословенного племени на служение Себе, отчасти потому, что в их среде преимущественно сохранилось истинное богопочитание, благочестивые обычаи и предания, особенно обетования о Христе.

Подобно потомкам Сифа, и христиане суть сыны Божии по благодати усыновления Богу в Таинстве Крещения и следственно прямые наследники Царства Небесного. Но так ли свято мы дорожим именем сынов Божиих, как Сиф и благочестивая часть его потомства? Не по имени ли мы только сыны Божии? Любим ли мы Отца Небесного, боимся ли Его, как свойственно сыну? Как сыны Божии, мы составляем *род избранный*, подобный древнему богоизбранному народу, – *царственное священство* (1 Пет. 2, 9). Но жизнью и делами не походим ли мы на язычников и подобно им не рабствуем ли *греху* и диаволу? Если так, то признайся, душа христианская, что ты не *уподоилася еси Сифу*.

Ни Еноса подражала еси. Енос был сын Сифа и наследник его благочестия. При нем «началось призывание Господа» (см.: Быт. 4, 26), то есть открылось общественное богослужение, а до того времени богослужение совершалось только в кругу семейном. Общественное богослужение теснее соединило сынов Божиих, благочестивых потомков Сифа, и сделало их более безопасными от пагубного влияния нечестивых потомков Каина.

Такое же значение имеет общественное христианское богослужение. Храмы христианские, в которых совершается это богослужение, суть незаменимые средоточия для христианского единения. В храме все являются членами единого семейства Божия, детьми Божиими, имеющими одинаковую нужду в милости Отца Небесного и принимающими одинаковое участие в дарах Его благодати. Только в храме забываются житейские преимущества одних перед другими, и братство во Христе Иисусе нигде не проявляется так выразительно, как в храме, в церковном богослужении.

Потому уклоняющиеся от храма уклоняются от братства во Христе и находятся в опасности с ослаблением своего духовного союза с братьями по вере отпасть от союза с Самим Христом, Который, как глава церковного тела, составляет едино с его членами.

Смотри, душа христианская, не находишься ли ты в этой опасности, если чуждаешься общения с верующими в храме Божиим, тяготишься общественным богослужением. Напрасно в сем случае ты не подражаешь Еносу.

После Еноса лучшим представителем благочестивого племени был Енох, праправнук Еноса. Енох так угодил Богу, что живым, не испытав смерти, переселен был в жилище блаженных (см.: Быт. 5, 24; Евр. 11, 5). С ним случилось то же, что впоследствии случилось с пророком Илиею, который был взят живым на Небо (см.: 4 Цар. 2, 10). Чем же Енох заслужил такую чрезвычайную милость Божию? Верой в грядущего Искупителя, по слову апостола Павла (см.: Евр. 11, 5), и покаянием, ибо по слову сына Сирахова (44, 15), он был образцом покаяния для современников. Он учил их покаянию не одним примером жизни, проводимой в духе покаяния, но и проповедью, ибо был пророком. Как пророк, он угрожал нечестивым пришествием Господа на суд с тьмами святых Ангелов Своих (см.: Иуд. 1, 14–15). Вера и покаяние Еноха остаются доселе образцом для подражания.

Но ни в том, ни в другом отношении ты не подражаешь *Еноху переселившемуся*, грешная душа, и горе тебе, если до конца будешь уклоняться от пути веры и покаяния, каким шел он: ты не достигнешь жилища блаженных, в котором обитает Енох.

Ни Ной уподобился еси. Ной жил во время всеобщего нравственного растления людей, которое проникло даже в среду благословенного племени Сифова. Ной, по повелению Божию, был проповедником покаяния для нечестивых современников и угрозы Божией истребить их, если они не покаются в течение 120 лет. Он дожил до исполнения угрозы Божией: все погибли в водах потопных, кроме его самого с семейством.

О Ное сказано в Бытописании, что он был *человек праведный и совершенный в роде своем*, то есть в нравственном отношении был образцом совершенства между людьми современного ему поколения, нечестивыми и развращенными (см.: Быт. 6, 9). Его благочестие и добродетели тем выше были в очах Божиих, чем труднее было сохранить их тому, кто, живя среди нечестивых, на каждом шагу встречал от них искушения и соблазны и терпел оскорбления и насмешки.

Терпение и мужество, с какими Ной переносил эти оскорбления, особенно во время строения ковчега, свидетельствуют о крепкой вере Ноя в Бога и Его обетования: *его осудил он весь мир и сделался наследником праведности по вере* (Евр. 11, 7). Во всех этих отношениях какой прекрасный пример для подражания представляет Ной!

Но ты, душа христианская, не подражаешь ни его благочестию и добродетели, ни его мужеству и терпению, ни его крепкой вере и упованию на Бога. Не примеры людей святых и праведных, не заповеди Божии служат для тебя руководством в жизни, а дух века, часто враждебный вере и благочестию, и нечестивые обычаи мира. Ты увлекаешься этим духом и этими обычаями, забывая слово Писания, что дружба с миром есть вражда против Бога (см.: Иак. 4, 4), что не следует сообразовываться с веком сим (см.: Рим. 12, 2).

Глава 5 Потоп при Ное

*При Нои, Спасе, блудствовавшия (развращенным) подражах, оных наследовав осуждение в потопе погружения (на утопление в потопе).
(Быт. 6, 1-17)*

Печально было нравственное состояние современников Ноя. Сам Господь, изъявляя перед Ноем негодование на них, назвал их *плотью*. Это значит, что они совершенно заглушили в себе духовные потребности и заботились только об удовлетворении одних плотских, или чувственных, потребностей и прихотей. В этих заботах они дошли до того, что, смотря на них, можно было усомниться, есть ли в них душа, созданная по образу и подобию Божию для жизни в общении с Богом, – не осталась ли в них одна плоть, способность к одной чувственной скотоподобной жизни. Особенно усилились между ними плотские грехи, – то есть любострастие, или распутство (*блудствование*). Поистине они были *плотью*.

И, что всего печальнее, такое нравственное растрление распространилось по всему лицу обитаемой тогда земли (см.: Быт. 6, 1-2). Сначала оно господствовало между нечестивыми потомками Каина, но с течением времени оно проникло в общество *сынов Божиих*, то есть потомков благочестивого Сифа, – вследствие смешения последних с первыми посредством супружеских связей (см.: Быт. 6, 1-2). Жены из нечестивого племени внесли нечестие в семейства племени благочестивого. А нечестие отворило дверь всяким порокам.

Тяжка вина современников Ноя, ведших распущенную жизнь. Но не более ли тяжко согрешают христиане, когда подражают им, когда подобно им проводят жизнь в плотоугодии, забывая о душе, о Боге, о вечности, когда легкомысленно вовлекаются в общества людей развратных и тела свои, освященные благодатью Таинств в храмы Святого Духа, в члены Христовы, святотатственно оскверняют плотской нечистотой и тем губят не себя только, но и тех, которые отдали себя в жертву их любострастию?

Не принадлежу ли я к числу подобных грешников? Но в таком случае я не должен думать, что могу продолжать грешить безнаказанно. Нет, если я подражаю блудствовавшим при Ное, должен наследовать и их осуждение, подобно им погрязнуть в водах потопных, – в готовых поглотить меня волнах гнева Божия (см.: Пс. 68, 2–3).

Впрочем, современники Ноя, привлечшие на себя гнев Божий, не прежде погибли в водах потопа, как по испытании в отношении к ним всех мер долготерпения Божия. Господь сначала объявил им через Ноя, что дает им 120 лет на покаяние, по истечении которых угрожал им истреблением. Но угроза не действовала. Люди не только продолжали творить и даже умножали злые дела, но *всяк помышлял в сердце своем прилежно на злая* (Быт. 6, 5). Люди всей душой отдались порочным помыслам, склонностям и желаниям, – намеренно с усилием вызывали и питали их в душе. Зло, следовательно, слишком глубоко пустило корни в их сердце.

Тогда Господь уже не условно, а решительно объявил угрозу истребить их. Угроза снова была пренебрежена, но долготерпение Божие не истощилось, и хотя теперь Господь решил наказать людей потопом и повелел Ною строить ковчег для спасения его с семейством; но самое строение ковчега, происходившее на виду у всех и с известной всем целью, могло служить предостережением для нечестивых.

Они, однако, не вняли и этому предостережению, – и уже тогда наступил потоп. Воды потопные, Впрочем, не вдруг покрыли лицо земли, а постепенно. Вследствие этого многие, не верившие угрозам Божиим до исполнения их, могли опомниться при наступлении беды и воззвать к Богу о помиловании. Такие, хотя понесли казнь потопления, могли избавиться от вечной гибели, когда Христос Спаситель по смерти сошел в адскую темницу с проповедью о спасении всем, чаявшим с верой Его Пришествия, и тем душам, которые *некогда непокорны были ожидавшему их Божию долготерпению водни Ноя* (1 Пет. 3, 20), но в последние минуты жизни раскаялись в своей непокорности.

Слава долготерпению Господа, даровавшего современникам Ноя возможность отвратить праведный Его гнев покаянием, которой и воспользовались многие из них!

Но милосердый Господь, никому не желающий гибели, долготерпит и всем беспечным грешникам, ожидая от них покаяния. Он призывает их к покаянию внушениями святого Слова Своего, иногда доходящими до их слуха из церковных чтений и из уст пастырей Церкви, – благоприятными и неблагоприятными обстоятельствами в их жизни, особенно предсмертными болезнями, во время которых многие, в продолжение всей жизни прогневавшие Господа грехами, обращаются к Нему, подобно благоразумному разбойнику, покаявшемуся на кресте в предсмертные часы, и примерами некоторых современников Ноя, успевшими ввиду наступившего потопа образумиться.

Как часто, однако, случается, что люди всю жизнь остаются равнодушными к своему спасению, не внимая никаким вразумлениям долготерпеливого Господа, ожидающего от них покаяния! Они или совсем не думают о покаянии, или отлагают его до смерти, хотя никому не известно, удастся ли это перед смертью.

Горе мне, если и я принадлежу к числу таких беспечных грешников! Мне грозит жребий нераскаявшихся перед потопом современников Ноя, осужденных на временную и вечную гибель. Избавь меня, Господи, от подобной участи и даруй мне слезными водами покаяния избегнуть потопления в безднах преисподней.

Глава 6

Хам

Хама оного, душе, отцеубийца подражавши, срама не покрыла еси искренняго (ближнего), вспять зря возвратившись.
(Быт. 9, 22-23)

После потопа Ной стал заниматься земледелием и разведением винограда, из которого научился делать вино. Не испытав дотоле силы вина, Ной на первый раз выпил его больше, чем следовало для укрепления сил и для невинного удовольствия. Неожиданно для Ноя, вино произвело на него опьяняющее и усыпляющее действие. Во время сна Ной непроизвольно сбросил с себя одежду, в которой лег, и представил неблагоприятное зрелище наготы.

Хам, один из сыновей Ноя, первый заметил это неблагоприятие и вместо того, чтобы прикрыть наготу отца, рассказал о ней братьям с целью, чтобы и братья вместе с ним осудили отца и поглумились над ним, опьяневшим и обнаженным. Братья, однако, поступили иначе: они с почтительностью подошли к отцу, так что не видели наготы его, и прикрыли его своей одеждой.

Ной, проснувшись, узнал о поступке Хама и произнес проклятье на непочтительного и дерзкого сына в лице его потомков Хананеев. Вот разительный урок, как грешно и опасно осуждать и делать предметом глумления недостатки и пороки ближнего, кто бы он ни был – свой или чужой.

Склонность к осуждению и глумлению над другими свойственна, по словам Спасителя, людям, которые по самолюбию не замечают в самих себе недостатков и грехов или слишком снисходительно относятся к ним (см.: Мф. 7, 3-4). Беспристрастный взор на самих себя убедил бы их, что они сами не меньше, если не больше виноваты в том, за что осуждают других, и что если они сами нуждаются в снисхождении к ним других, то справедливость и от них требует снисхождения к ближним. Чего я не желаю себе, того не должен делать другим. Этого требует не только Евангелие (см.: Мф. 7, 12), но и естественный разум. Если я не желаю быть предметом пересудов и насмешек, если пересуды и насмешки меня огорчают и возмущают до глубины души, хотя бы я и заслужил их моим поведением, то по себе я должен судить и о других, – и о других я должен думать, что им неприятно то же, что и мне. Потому, желая снисхождения к моим недостаткам других, я и сам должен относиться к ним снисходительно:

я должен, подобно Симу и Иафету, покрывшим наготу отца, покрывать снисхождением срам или позорное поведение ближнего моего. Если же сего не делаю, то я подражаю Хаму и должен, подобно ему, бояться за сие гнева Божия.

Грех Хама против отца так велик, что совершитель такого греха есть поистине *отцеубийца*. Хам не убил отца физически – он убил его нравственно, потому что причинил ему своим поступком великое горе, отнял у него душевный мир, расстроил обычное течение его жизни. Хам не убил, повторяем, отца физически, но он посягнул на его честь, дерзнул поколебать уважение к нему детей, огласив перед ними его наготу. Но честь – такое благо, которое дороже жизни. *Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою* (1 Кор. 9, 15).

Не похожу ли и я на отцеубийцу Хама, когда осуждением ближнего и глумлением над его недостатками наношу ему самое чувствительное оскорбление, ибо оскорбляю его честь, отнимаю у него доброе имя? Не к чести его служат, конечно, те недостатки и пороки, за которые я жестоко осуждаю его перед всеми, – но моим осуждением не увеличиваю ли его позор и этим не могу ли довести его до того, что он не вынесет своего позора и еще глубже погрязнет во зле? Мое осуждение и глумление не исправит, а только ожесточит его. Он впадет в малодушие, скажет себе: теперь мне нечего терять, все потеряно с утратой чести, – и ударится во все крайности порока.

Не возьму ли я на себя страшную ответственность за его погибель, если доведу его до такого моим бессердечным равнодушием к его чести? Не убийца ли его я в этом случае?

Глава 7 Сим и Иафет

Благословения Симова не наследовала еси, душе окаянная, ни пространное одержание, якоже Иафет, имела еси на земли оставления (отрады).

(Быт. 9, 26-27)

Вслед за проклятием непочтительному Хаму Ной изрек благословение старшим сыновьям Симу и Иафету, заслужившим его благоволение той почтительностью к нему и целомудренной скромностью, с какой они покрыли наготу его.

Благословение Симу состояло в том, что среди его потомства сохранится истинное богопочтение, что истинный Бог будет Богом Сима и его племени.

Благословение Иафету состояло в предречении, что его племя шире всех распространится по лицу земли, будет иметь на ней пространное содержание и со временем войдет в шатры Симовы – оставит языческие заблуждения и вступит в духовное, религиозное общение с Симом, войдет в состав Церкви Божией, к которой сначала будут принадлежать одни потомки Сима.

То и другое предречение сбылось в судьбах потомков Сима и Иафета. До явления в мире Христа Спасителя истинное богопочтение сосредоточивалось в той части потомства Симова, которая произошла от Авраама через Иакова, в одном избранном народе Божиим. Но с пришествием Христовым Церковь вышла за пределы этого народа. Христос, по плоти один из потомков Симовых, пришел для спасения всех людей на свете и повелел Своим апостолам собрать в Его Церковь все народы.

Этим благом воспользовались преимущественно потомки Иафета, и между ними мы – русские. Среди них господствует и доселе распространяется христианство; среди них процветает Христова Церковь со всеми ее просветительными и освятительными учреждениями, и будет процветать до скончания века.

Но дело не в том одном, чтобы вообще процветала Церковь Христова и сохранялось в мире истинное богопочтение, не в том, чтобы в этом только отношении исполнилось благословение Божие, данное через Ноя Симу и Иафету, – а в том, чтобы я лично был истинным

членом Церкви Божией, истинным богочтецом, истинным наследником обетований Божиих, дарованных Церкви.

Горе мне, если я принадлежу к Церкви Божией только по имени, если Бог Симов, пребывающий в ней, далек от моего сердца, если я исповедую Его устами, а житием чужд общения с Ним, забываю Его и не ревную об угождении Ему.

Горе мне, если я, будучи членом духовной семьи, имеющей распространение во всех странах мира, пренебрегаю разнообразными, предлагаемыми в ней, в Церкви, – средствами спасения и живу среди нее, как бы пришелец, не участвуя в благах, предоставленных истинным ее чадам.

Другие, имея общение с Церковью, находят в ней *землю оставления*, то есть утешения и отрады, как бы рай духовный; а я не знаком с этим утешением и отрадой, и окруженный обильной духовной пищей и питьем, изнываю от голода и жажды, не питая себя ни словом Божиим, ни благодатью Таинств, ни молитвой, или едва прикасаюсь устами к этим видам духовного питания.

Находясь в таком жалком состоянии, я – не наследник благословения Божия Симу и Иафету и недалек от опасности утратить вечное наследие в Царстве Славы.

Сохрани меня, Господь, от сей опасности!

Глава 8 Столпотворение

Столп умудрила еси создати, о душе, и утверждение (крепость) водрузити твоими похотьми, аще не бы Зиждитель удержал (обуздал) советы (замыслы) твоя и низверг на землю ухищрения твоя.
(Быт. 11, 3-4)

После потопа род человеческий начал размножаться от троих сыновей Ноя. И чем больше размножались люди, тем дальше друг от друга расселялись, сохраняя, однако, общий, наследованный от этого родоначальника язык.

Это расселение не благоприятствовало мечтам тех из потомков Ноевых, именно происшедших от Хама, которые хотели забрать под свою власть все племена людские. Их властолюбие не остановилось, однако, перед этим препятствием.

Они придумали соорудить город – крепость и столп (или башню), чрезвычайно высокую, и эту крепость и столп сделать средоточием, откуда бы они могли простираť власть свою на всех людей до крайних пределов их обитания.

Виновники этого предприятия обманом привлекли к участию в нем и тех, кого хотели поработить себе. Они скрыли от них настоящую цель предприятия, сказав им: *сотворим себе имя*. Слова эти значили, что построение города и башни послужит только к прославлению в потомстве строителей, к увековечению памяти об их силе и могуществе. Уже приступлено было к возведению крепости и башни. Но Господу Богу не угодно было это предприятие. Ему не угодно было допустить, чтобы люди своими затеями воспрепятствовали Его определению разделить племена людские, совершенно обособить их по месту жительства и по гражданскому быту и одни племена оградить от худого нравственного влияния других.

Предположение строителей крепости и башни связать племена созданием для них общего политического центра угрожало не только порабощением одних другими, но и всеобщим развращением.

И вот Господь чудесным образом разрушает дело, Ему негодное. Он сходит в среду строивших крепость и столп и смешивает язык их так, что они перестали понимать друг друга и принуждены были оставить недоконченными начатые работы, разойтись в разные стороны.

Таким образом возникли *острова* или группы народов, расселившихся по лицу земли. Они стали существовать отдельно, как острова на море, не смешиваясь с другими ни границами, ни языком, ни учреждениями, ни обычаями. Место, на котором произошло чудо смешения языка, стало называться Вавилоном, что значит смешение. В самом этом имени заключена безмолвная проповедь о ничтожестве человеческих замыслов, коль скоро они противны воле Божией.

К сожалению, этот пример и другие подобные не вразумляют грешную душу. Законом для нее служит не воля Божия, а ее похотения, ее самолюбивые желания и расчеты. Увлекаясь самолюбием, грешник, подобно строителям вавилонского столпа, мечтает устроить свое благополучие помимо Бога. По его убеждению, для достижения этой цели достаточно житейского благоразумия, умения пользоваться обстоятельствами, силы воли, упорства в преследовании цели, не стесняясь внушениями совести, правилами справедливости и человеколюбия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.